

Международное морское право в эпоху феодализма.

Феодализм и феодальные отношения породили патримониальный (вотчинный) взгляд на территорию. Феодальное право не проводило различия между собственностью на землю и водные пространства и властью над ними. Оно считало, что собственность на землю и воду была источником власти над территорией. Монарх признавался верховным собственником в стране и обладателем верховной власти.

Феодальные государства распространили этот взгляд и на прилегающие к суше морские пространства, которые они рассматривали в качестве «наследия», приобретаемого вместе с береговой территорией. В погоне за расширением своей власти они объявляли своей собственностью целые моря и океаны или их части.

Английские короли, начиная с X века, объявляли себя королями «британского океана», или «английских морей». При этом границы «английских морей» умышленно не указывались, что давало возможность расширять их в зависимости от реальной силы английской монархии. В средние века подобные претензии были выдвинуты и многими другими государствами. Генуя претендовала на Лигурийское море и Лионский залив. Дания распространяла свой суверенитет на Балтийское и Северное моря и на проливы, их соединяющие, а также на часть океана между берегами Норвегии, Исландии и Гренландии. За проход иностранных судов через проливы Зунд и Бельты она взимала зундские пошлины. Суда, отказывавшиеся платить эти пошлины, захватывали или же топили при помощи пушек крепости Кронборг.

Феодальные государства в подвластных им морях запрещали иностранцам заниматься рыболовством и другим промыслом, а иногда вовсе запрещали иностранное судоходство. Венеция, например, требовала получения у нее разрешения на проход иностранных судов через Адриатическое море.

В 1432 году король Дании и Норвегии Эрик заявил, что он никому не позволит без его специального разрешения заниматься рыболовством в морях, примыкающих к Норвегии[7]. И позже, в XVII веке, Дания претендовала на исключительное право рыболовства в водах, омывающих Исландию и Гренландию. В 1609 и 1636 годах Англия издала акты, которые требовали от иностранцев получения разрешения английского короля на рыболовство в Северном море. Попытка голландцев в 1636 году заняться этим промыслом без разрешения Англии привела к тому, что они подверглись нападению английских военных кораблей и были принуждены уплатить 30 тысяч фунтов стерлингов за разрешения.

Одним из весьма характерных проявлений вотчинных притязаний на владение морями было так называемое «право салюта», то есть право феодального государства требовать отдачи иностранными судами почестей его флагу в морях, находившихся под его юрисдикцией. Этот церемониал рассматривался как знак признания иностранными судами (следовательно, другими странами) верховенства в этих морях данного государства. Нередко такого рода притязания на почести сопровождалось насилием и жестокостями. Особенным упорством в притязаниях на «право салюта» отличалась Англия, которая предписывала своим военным кораблям в случае игнорирования иностранными судами требований салютовать английскому флагу «применять всевозможные усилия, чтобы принудить их сделать это»[8].

Наивысшего размаха притязания феодальных государств на обладание морями достигли вскоре после великих географических открытий конца XV и начала XVI века. Путешествие в Америку Христофора Колумба, высадка Васко да Гама на берегах Индии, установление морского пути вокруг Африки и мыса Доброй Надежды, проникновение португальцев в Бразилию — открыли широкие перспективы для захвата заморских земель наиболее сильными государствами того времени. Открытия, сделанные подданными Португалии и Испании, породили у испанского и португальского монархов стремление овладеть вновь открытыми

землями и морями, установить монопольное господство над миром. На этой почве у Португалии и Испании возникли ожесточенные распри, едва не переросшие в войну. В конце концов им удалось договориться о дележе земель и морей. В 1493 году папа Александр VI утвердил этот раздел. На основе папской буллы и последовавших за нею испано-португальских договоров 1494 и 1529 годов Испания и Португалия разделили между собой не только многие земли, омываемые водами Атлантического, Тихого и Индийского океанов, но и огромную часть водных пространств этих трех океанов.

Однако осуществление испано-португальских планов противоречило объективным потребностям исторического развития. В этот период в недрах феодального общества укреплялся и развивался капиталистический способ производства, который привел к широкому выпуску товаров, предназначенных для продажи. Великие географические открытия, вскружившие головы испанского и португальского монархов и толкнувшие их на путь дележа мира, значительно ускорили развитие капитализма и вызвали такие последствия, которые шли вразрез с намерениями Испании и Португалии закрепить господство над миром. В конечном результате эти события нанесли губительный удар по феодальным притязаниям на обладание морями. «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс (т.10 с.56), — создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента».

Несметные богатства вновь открытых стран и неслыханные прибыли, которые давала торговля с ними, влекли туда не только испанских и португальских колонизаторов, но и буржуазию других стран, и, прежде всего, Англии и Франции. Феодальные же барьеры и преграды закрывали дорогу другим конкурентам по ограблению вновь открытых земель.

В отношении мореплавания требования равенства вылились в борьбу за признание морей открытыми для пользования всех стран, в выступления против суверенитета отдельных государств над морями. Даже Англия, которая в то время не думала отказываться от собственных притязаний на «английские моря», в конце XVI и начале XVII века отвергала подобные притязания других стран.

В XVII веке в защиту свободы морей решительно и последовательно выступила буржуазия Голландии, превратившейся к тому времени в наиболее развитую капиталистическую страну. Принцип свободы морей она выдвинула как против своих испано-португальских, так и против английских конкурентов. Обоснование требования свободы морей получило в известной книге голландского юриста Гуго Гроция «Свободное море» («*Mare liberum*»), опубликованной в 1609 году. Это прогрессивное требование настойчиво пробивало себе дорогу и, завоевывая все большее число сторонников, получило шаг за шагом признание в практике государств.

Окончательное утверждение принципа свободы открытого моря в качестве общепризнанного начала международного права произошло значительно позже, во второй половине XVIII века. К этому времени этот принцип уже не встречал возражений в доктрине международного права. В 1756 году Ваттель, отметив, что право на судоходство и рыболовство в открытом море является общим правом всех людей, писал: «Нация, желающая без основания присвоить исключительное право на море и поддерживать его силой, наносит вред всем нациям, общее право которых она нарушает. И все имеют основание объединиться для её обуздания»[9].

Принцип свободы открытого моря прочно укрепился и в практике государств. Большая заслуга в этом принадлежит России. Ещё в 1588 году русское правительство в ответ на просьбу англичан закрыть Белое море для всех иностранных судов, кроме английских, заявило: «Божию дорогу,

океан-море, как можно перенять, унять или затворить»[10]. Особенно же активно в защиту свободы плавания на морях Россия стала выступать в XVIII веке, когда она завоевала выходы к Балтийскому и Черному морям и превратилось в крупное морское государство. Начиная со времени Петра I на протяжении около ста лет, борьба за обеспечение свободного мореплавания становится одним из важных средств расширения внешней торговли России и ослаблении английской гегемонии. Россия упорно стремилась добиться ликвидации «права на салют», которое было символом неравенства государств в отношении пользования морем.

В Ништадский договор, заключенный Россией и Швецией в 1721 году, после окончания Северной войны, было включено специальное постановление о том, что военные корабли договаривающихся сторон будут взаимно салютовать друг другу и соблюдать в этом полное равенство. В 1787 году Россия подписала договор с Францией об отмене салюта в открытом море. В том же году ею была заключена конвенция с королевством Двух Сицилий, а в 1798 году — с Португалией о том, что салют в открытом море будет производиться только кораблями, командиры которых имеют различные чины. В 1801 и 1809 годах Россия заключила специальные договоры со Швецией о салютах военных кораблей в открытом море на основе полного равенства. В 1829 году она подписала конвенцию с Данией об отмене салюта в открытом море.

Особенно упорный характер носила борьба России против произвола Англии на морях во время войн, которые велись английской буржуазией в XVIII веке за торговое и колониальное господство. Эта борьба объективно сыграла огромную роль в утверждении принципа свободы моря в международных отношениях. В ходе указанных войн английские военные корабли, используя своё превосходство на море, уничтожали и грабили не только корабли своих противников, но и торговые суда нейтральных стран. По мере своих сил этим занимались и другие воюющие державы. Такие действия причиняли весьма ощутимый ущерб экономике нейтральных государств, выступивших ввиду этого за обеспечение свободы судоходства на морских просторах.

Интересы нейтральных стран нашли весьма четкое выражение и обоснование в декларации России дворянам Лондонскому, Версальскому и Мадридскому, опубликованной 28 февраля 1780 года и известной под названием Декларации о вооруженном нейтралитете. В Декларации русское правительство изложило основные начала свободы судоходства и торговли и провозгласило право нейтральных стран вооруженной силой защищаться против нарушения этих начал. Правила, сформулированные в Декларации 1780 года, вскоре получили широкую поддержку и договорное оформление в конвенциях, заключенных между Россией и другими нейтральными странами. Эти правила были приняты Францией и Испанией, находившимися в то время в состоянии войны с Англией. Последняя вынуждена была также считаться с ними, но полностью и формальным образом признала их только в 1856 году, подписав Декларацию о морской войне.

Признание принципа свободы открытого моря было результатом потребности государств во всемирных экономических связях, а также стремления буржуазии к овладению новыми рынками сбыта и источниками сырья. Но понятие свободы открытого моря не было распространено на все части моря, так как объективные факторы иного порядка вызвали потребность в установлении особых правовых режимов для некоторых частей моря. Так, заинтересованность прибрежных стран в сохранении за собой исключительного права на рыболовство в прилежащих к ним частях моря, а также в обеспечении своей безопасности со стороны моря требовали признания суверенитета этих государств над примыкающими к их берегам морскими зонами, названными территориальными водами.

Это обстоятельство учитывалось еще Г. Гроцием, который в обоснование ширины территориального моря положил дальнобойность берегового оружия. Его точка зрения соответствовала официальной позиции голландского правительства, которое в ходе переговоров с Англией в начале XVII века по

вопросам рыболовства выступило за ширину территориального моря, определяемую дальностью полета пушечного снаряда.

Развитие промысловых флотов в XVII веке потребовало признать за всеми государствами право на свободу рыболовства в открытом море, и претенденты на монопольное обладание морями принуждены были сдавать свои позиции, особенно под нажимом более сильных противников. Но признание свободы рыболовства в морях происходило одновременно с установлением исключительных прав прибрежного государства на рыболовство в морских водах, омывающих его побережье, то есть территориальных водах. Например, в XVII веке за Данией было признано исключительное право рыболовства в полосе, омывающей берега Исландии, шириной в 24 морские мили, а в отношении английских судов — лишь в полосе шириной в 16 морских миль.

Спустя немногим более столетия, в 1745 году, Дания установила 4-мильную ширину своих территориальных вод. Вскоре такая же ширина территориальных вод была установлена Швецией. В 1760 году Испания определила ширину своих территориальных вод в 6 морских миль. Акты указанных государств говорили об одновременном становлении концепции свободы открытого моря и концепции территориальных вод.

Ваттель, который был одним из наиболее последовательных защитников свободы моря в середине XVIII века, считал право государства на территориальные воды бесспорным по двум основаниям: во-первых, потому что богатства моря около побережья не являются неисчерпаемыми и, во-вторых, потому что свободное и всеобщее пользование морем вблизи берегов могло бы причинить ущерб безопасности прибрежного государства[11].

Оживление торговли в Западной Европе, явившееся главным образом результатом Крестовых походов XI века, способствовало появлению ряда других кодексов.

С развитием торговли и мореплавания росло число сборников, в которых формировались различные правила, касавшиеся торгового мореплавания: в VII веке и позже действовал кодекс византийского права (Базилика); в X веке — морские обычаи, применявшиеся в городе Амальфи (Италия); на Атлантическом побережье в XII — XIV веках применялись Олеронские правила, или Олеронские свитки (*Lex de Oleron*); в Средиземноморье в XIV—XV веках действовали широко известные в то время морские правила Консолато дель маре (*Consolato del Mare*); в XVII веке получил большую по тем временам известность морская ордонанс Людовика XIV; на Балтике в XV, XVI — XVIII веках действовали Законы Висби, Кодекс Ганзы и Гуидон де ля мер (*Guidon de la Mer*).

Приблизительно в это же время имел хождение английский сборник морских обычаев, который назывался «Черная книга Адмиралтейства».

Теперь мы кратко рассмотрим некоторые из этих правовых актов.

Базилика (Basilika) — это кодекс византийского права, относящийся к VII веку. Он регулировал торговлю Леванта. Отличие его от предшествовавших кодексов состоит в том, что в нем инкорпорировано позитивное, а не обычное право и обязательность его покоилась на воле императора, а не на согласии купцов. В кодексе изложены основные принципы, во многих случаях дополненные специальными примерами, заимствованными из Родосского морского права. Следующим по времени кодексом является *Tabula Amalfitana*; он относится к X веку и содержит морские обычаи, применявшиеся в городе Амальфи в Италии.

Иерусалимские ассизы (Assizes de Jerussalem). Морское право Леванта в дальнейшем развивалось под влиянием крестоносцев, которые, сталкиваясь на своем пути со значительными группами торговцев и моряков на берегах Средиземного моря, организовывали для разрешения споров свои собственные суды. Решение споров посредством поединка, применявшееся при гражданских требованиях, было совершенно неприемлемо при разбирательстве морских дел.

Поэтому право, применяемое в созданных крестоносцами судах, покоилось на обычаях купцов. Был разработан этот кодекс и применение его было вверено консулам или морским магистратам, назначение которых в такие важные торговые порты, как Генуя, Венеция и Марсель, вошло тогда в обычай.

Олеронские свитки (Rolls d'Oleron или Lex de Oleron). На Атлантическом побережье, где торговля получила большое развитие благодаря связям со Средиземноморьем во время крестовых походов, появление и распространение этого кодекса явилось значительным шагом вперед. Выдвигались различные теории о происхождении этих правил; наиболее вероятной считается версия, согласно которой Олеронские правила не что иное, как сборник решений, вынесенных морским судом острова Олерона, близ Бордо, ставшего важным торговым центром в XII веке и предоставившего значительный флот, отплывший под руководством Ричарда I для освобождения Святой земли. Каково бы ни было происхождение этих правил, они служили систематизированным кодексом того периода, когда еще не существовало законодательства по вопросам морского права, и представляли настолько тщательную запись обычаев, сложившихся в торговле между атлантическими портами Франции, что завоевали быстрое признание и были постепенно восприняты всеми государствами Западной Европы. На юге они были приняты Испанией и отсюда влияли на торговые обычаи стран Средиземного моря. Однако именно на севере эти правила получили наибольшее распространение. По приказу Ричарда I они были переведены в Англии, и в английском Суде Адмиралтейства им придавалось особое значение как эдикту английского короля. Вскоре Олеронские правила оказались общепризнанным кодексом морского права. Принн ссылается на решение по делу *Pilk v. Venore*, вынесенное в 1351 году мэром и судебными приставами Бристоля; в этом решении авторитетность «Lex de Oleron» признается безоговорочно. Во Франции эти правила были подтверждены ордонансом 1364 года, но признаны были, вероятно, гораздо раньше. Во Фландрии «Решения города Дамм» («Judgments of Damme») дословно воспроизводят первые 24 статьи сборника. Кроме того, «Пурпурная книга» города Брюгге, опубликованная во второй половине XIV века, притязала на то, чтобы быть полным переводом сборника.

Законы Висби. О влиянии Олеронских правил можно судить по кодексу, известному под названием «Законы Висби», или «Морские законы острова Готланда» — это сборник, состоящий из трех частей, одна из которых представляет собой другую редакцию Олеронских правил наряду с выдержками из законов города Амстердама и статутов ганзейского города Любека. Торговля на Балтийском море значительно оживилась со времени основания в XIII веке Ганзейского союза торговых городов, порты которого простирались от Балтики до Черного моря и одним из главных торговых центров был город Брюгге. Именно здесь ганзейские купцы вступили в отношения с теми, кто применял Олеронские правила, и оказались под их сильным влиянием. Известно, что в XV веке купцы Висби выработали для себя правила, которыми они должны были руководствоваться, и в 1505 году в Копенгагене на саксонском языке был опубликован текст морских законов Висби.

Кодекс Ганзы. Другим сборником, действовавшим в районе стран Балтийского моря, является этот сборник законов, изданных Ганзейским союзом в начале XVII века, когда мощь его уже приходила в упадок. Ещё в XIV веке делались попытки создания единого кодекса для регулирования деловых отношений союза, но соперничество и мелкая зависть в течение трех веков препятствовали достижению соглашения. Доктор Курике в 1667 году опубликовал в Гамбурге на немецком языке оригинал с латинским переводом этого пересмотренного кодекса 1614 года [12]. Но и тогда этот кодекс не был полным, а содержал лишь особые обычаи и статуты отдельных городов и главным образом основывался на традиционных принципах римского права.

Наиболее примечательное собрание морских законов Англии содержится в древней «Черной книге Адмиралтейства», начатой, вероятно, в царствование Эдуарда III и продолженной при Ричарде II и Генрихе IV. Книга, по-видимому, была написана в целях создания своего рода практического пособия или сборника норм морского права, которыми следовало руководствоваться в Суде Адмирала. Документы, содержащиеся в книге, составлены на древнем нормандском языке, но по предложению сэра Леолина Дженкинса были переведены на английский язык Томасом Бедфордом в период царствования Карла II. Происхождение многих «статей» и правил, содержащихся в «Черной книге», следует искать в Domesdays Books приморских самоуправляющихся городов, которые имели собственные суды, применявшие с очень ранних времен нормы обычного морского права к английским и иностранным морякам и купцам. В частности, книга Domesday Ипсвича дает возможность говорить об обычном праве времен Ричарда I. Велвуд утверждает, что «Эдуард III, основываясь на официальном запросе 18 наиболее осведомленных в морских делах лиц, созданных в Куинборо из различных мест Англии в 1375 году, изложил некоторые правила, относящиеся к адмиралтейству и мореплаванию на старом французском языке, о чем можно судить по сохранившейся подлинной написанной на пергаменте книге; правила эти затем были переведены неким Томасом Рафтоном на латинский язык под названием «De officio admiralitatis Angliae». Некоторые из этих «статей» основывались на Олеронских правилах и впоследствии были включены в «Черную книгу Адмиралтейства». Особое издание этих «статей» было также подготовлено для Томаса Бофора — позднее графа Дорсетского и герцога Экзетерского, назначенного около 1425 года лордом Высоким адмиралом. В конце XVIII века первоначальный текст «Черной книги» исчез, но, к счастью, библиотека адмиралтейства сохранила копию её, которая была тщательно сверена с различными документами и манускриптами, хранящимися в Британском музее. Таким образом, Траверс Твисс имел возможность в 1871 году опубликовать ценное и точное издание Черной книги в четырёх томах, содержащее научно обоснованное введение и обильные примечания. В библиотеке коллегии адвокатов имелся также английский манускрипт под названием (Извлечения из наших Олеронских правил и древней «Чёрной книги»), который, однако, после ликвидации коллегии адвокатов законом 1857 года о суде по завещаниям стал недоступным. В Шотландии древнейшим полным трактатом по вопросам морского права является трактат, озаглавленный «Морские законы», в котором Джеймс Бальфур «собрал воедино» все акты парламента, «Практику, Олеронские правила и законы Висби». По-видимому, трактат был написан в 1579 году, хотя и был опубликован лишь спустя полтора столетия.

В XIV веке в странах Средиземного моря появились знаменитые **Consolato del Mare**. К этому времени после упадка, наступившего вследствие падения Римской империи, и препятствий, чинимых грабежами нормандских и сарацинских пиратов, вновь оживилась торговля. Марсель, Барселона и Валенсия стали крупными центрами торговли Средиземноморья, в то время как генуэзцы вели морем оживленную торговлю шерстью с Фландрией. В то время существовало большое разнообразие местных статутов, издаваемых «Consulandos» или самоуправляющимися объединениями купцов в крупных портах и применяемых в судах выборными «консулами» или «судьями-консулами», к компетенции которых были отнесены все вопросы, связанные с операциями на море. Эти местные законы были написаны на латинском языке, в то время не известном большинству купцов. Поэтому появление в XIV веке изложенного на каталонском наречии сборника всех местных законов, обычаев и обыкновений, распространенных в пределах Средиземноморья, и впервые, вероятно, изданного в Барселоне, имело огромное значение для купцов и моряков того периода, а равно и для судей — консулов, отправлявших правосудие в крупных портах. Поскольку в сборнике не делалось попытки

изложить нормы, которые должны были иметь всеобщее применение, а просто сводились воедино уже действующие принципы, этот сборник завоевал доверие здравомыслящего торгового мира и был признан в качестве закона с общего согласия стран Средиземного моря.

В период средних веков «Consolato» являлось главным регулятором отношений на Средиземном море до тех пор, пока со становлением суверенных государств внутригосударственное законодательство не вытеснило нормы обычного морского права, правда нередко заимствуя многие из них. Примером этого может служить история «Guidon de la Mer» — сборника, появившегося в Руане в самом начале XVII века. Первоначально это был частный сборник норм морского права, закрепленных обычаем, изданный для оказания помощи консулам Руана в отправлении правосудия по делам, связанным со страхованием, рассмотрение которых было отнесено к компетенции консулов французским эдиктом 1556 года. Нормы, содержащиеся в «Guidon», послужили основой для известного французского ордонанса, изданного Людовиком XIV в 1681 году.

Все эти сборники правил и обычаев касались главным образом имущественных и административных вопросов, возникающих у судовладельцев в процессе торгового мореплавания. Они не регулировали отношений государств по вопросам мореплавания, хотя соответствующие морские страны учитывали перечисленные кодексы и сборники морских обычаев в своей национальной практике.